

Сергей Кравцов, Екатерина Бойчук
Отмычка Соломона*

Редькин

Редькин не спеша ехал по городу на своей выдавшей лучшие времена «тойоте». Впереди виднелось скопление машин в очередной пробке. В обычном состоянии он бы чертыхнулся и попробовал объехать по другим улицам, но сейчас было время подумать. Основных вопросов было два: куда и зачем он едет?

То есть буквально куда, он знал.

Утром ему позвонил Соломон из «Иблиса» и попросил к двум подъехать в контору на машине. Именно на машине, и еще намекнул, зараза, что он, Редькин, давно предлагал сотрудничество. И они вот решили пойти ему навстречу.

«Кто кому пошел навстречу, – думал Редькин. – Или я их таки расколол, и они решили, что от меня так просто не избавиться. Или нашли-таки метод избавиться? Не хотелось бы. Или я их раскусил, и они это поняли, и пошли на сотрудничество?»

Эти сложные и местами заковыристые мысли прервали истерические гудки задних машин. Перед «тойотой» Редькина пробки уже не было, а сзади как раз образовалась. Редькин нажал на газ и подъехал к офисному зданию, в котором размещался институт, ровно в два часа.

Ждать не пришлось, сразу же из дверей вышел Соломон Давидович, а за ним... Петя.

«Опля! – чуть не сказал вслух Редькин. – А кто бы мог подумать? И ничего он не знает, и ни в чем он не участвует. Это же надо, какая конспирация!».

---

* Продолжение. Начало в кн. 64-69.

Соломон с Петей подошли к машине и поздоровались:

– Спасибо, что не отказали в любезности подвезти нас с сотрудником по очень важному делу, – сказал Соломон, пожимая Редькину руку. – Вот знакомьтесь: Петр Иванович.

– Не ожидал тебя здесь увидеть, – не выдержал Редькин, здороваясь с Петей.

– Так вы знакомы! – удивился Соломон. – Ну это, может, и к лучшему. А теперь, если не возражаете, мы проедемся на Куяльницкий лиман. К санаторию. Погодка сегодня замечательная, воздухом подышим.

«Интересно, когда они начнут колотиться?» – думал Редькин, поворачивая по Большой Арнаутской направо в сторону Пересыпи.

СОЛОМОН

Соломон сидел, вжавшись в свое кресло, и благословлял бога, что это была только лампа. Но он нутром, тем местом, что утопало в кресле, чуял, что дело так не кончится. И не ошибся.

Она влетела в кабинет и застыла на пороге.

– Так вот кто это был! – сказала она тихим и спокойным голосом, и ее зеркальные очки ударили светом по глазам Соломона.

– Неет, – продолжала она еще тише, – я не буду судиться или требовать деньги. Нетушки. Я живу здесь много лет и знаю, к кому обратиться. И вы не увидите свою клиентуру, никогда! Уж будьте уверены! Будете обслуживать торговков на Привозе, по три гривны за лампу! Ах, мерзавец!

– Пожалуйста, присядьте! Что стряслось? Мы предупреждали, индивидуальная непереносимость... – лепетал Соломон, судорожно нажимая на звонок вызова психолога.

– Так вы не знаете, что такое использование служебного положения в личных целях и нарушение конфиденциальности! – возмутилась Татьяна Николаевна.

И тут в кабинет вошла Марина Викторовна.

– Боже мой! Татьяна Николаевна, что случилось? Успокойтесь, мы все поправим. Расскажите подробно: что произошло?

Татьяна Николаевна открыла рот, чтобы начать рассказ, и вдруг густо покраснела. Она посмотрела на Марину, на Соломона, опустилась на стул и машинально сняла очки.

Марина продолжала:

– Соломон Давидович все урегулирует, у него неограниченно большие возможности.

– Вот именно неограниченные... – сказала Татьяна.

И Соломон с ужасом увидел, что левая часть ее лица под глазом сильно припухла, хотя и загримирована хорошим тональным кремом. Соломон тоже покраснел и беспомощно посмотрел на Марину Викторовну. И Татьяна тоже посмотрела на Марину.

Марина была молодая женщина, еще не совсем заматеревшая в психологии. Она переводила взгляд с Татьяны на Соломона и обратно, и все невероятные подозрения читались на ее изумленном лице. И тут Татьяна захохотала.

* * *

Соломон шел по липовой аллее к маленькому домику в глубине парка. Пригревало солнышко. На старых липах только проклюнулись клейкие листочки, и прозрачные липы были очерчены дугами молодой зелени. Под ногами пружинили прошлогодние прелые листья. В домике неблагозвучный женский голос распевал разбитное танго.

– Я зустрів тебе на танцях, ти була у рудих штанцях і в бронзовому плащі. Цыплята табака! Пам-пам.

Потом голос так же неправильно запел:

– Ніч така місячна, зоряна, ясна, видно, хоч голки збирай...

Пахло краской. Возле домика лежала куча керамзита и груды песка. Два дюжих парня наперегонки возили на тачках кирпичи. Молодой интеллигентного вида мужчина что-то прикручивал на крыше. Соломон, осторожно переступая через незнакомые инструменты, вошел в дом. Посредине большой пустой комнаты стояла стремянка. На стремянке спиной к Соломону стояла женщина в подоткнутой юбке и заляпанной мешковатой футболке и самозабвенно белила розетку на потолке, распевая:

– Вийди, кохана, працює зморена, хоч на хвилиночку в гай.

На полу валялись катки на длинных палках, карнизы, стояли ведра и банки. Не оборачиваясь, женщина голосом Татьяны Николаевны сказала:

– Леша, подай-ка мне еще водоэмульсии.

И тут в дверях возник все тот же интеллигент и возопил:

– Татьяна Николаевна! Вы же обещали, что не будете брать других мастеров! А это кто?

– Леша! Дайте мне банку, – строго сказала Татьяна Николаевна. И Леша кинулся за банкой.

Соломон понял – вот оно, затруднение, и тоже ринулся к банке. Они столкнулись у банки. Леша споткнулся о какую-то палку, попытался удержаться на ногах и вышиб краску из рук Соломона, окатив его брюки белилами и сшибая стремянку. Стремянка, если ее пихнуть в бок, не слишком устойчивое сооружение. Татьяна взвизгнула, Соломон отпрыгнул в сторону, и лестница вместе с женщиной рухнула на него. При этом они крепко стукнулись головами. Лестница ударила Соломона по ногам. Татьяна, не такая уж воздушная, барахталась на нем, оскальзываясь на краске. Наконец она скатилась на пол, села, глянула на Соломона стремительно заплывающим глазом и высказалась кратко и непечатно, добавив: «Где я тебя видела?».

Соломон в панике дернул себя за ухо и оказался у себя в кабинете. Сильно ныла ушибленная нога, и на голове вспухала шишка.

– Н-да! – сказал он себе. – Достигли взаимопонимания! Душевный вышел разговорчик!

Джинны

Старая «тойота» Редькина с правым рулем, осторожно огибая особенно впечатляющие ямы на дороге, приблизилась к башне, где некогда хранился запас лечебной рапы. Рыжий песик уже сидел у дороги и чесал лапой бок.

Подойдя к передней дверце, он громко гавкнул. Петя вылез из машины и пересел на заднее сидение. Песик с довольным видом кивнул головой, устроился на сидении рядом с водителем, и машина тронулась. Редькин покосился на грязные лапы собаки,

уже испачкавшие весь чехол, но ничего не сказал. А песик поймал его взгляд и сказал скрипучим голосом:

– Смотри вперед, а то мы тут и останемся. А сидение потом помоешь. Что же мне, в калошах ходить? Собакам не полагается, а тут везде грязь. И вообще, хорош бы я был в этой рыжей шкурке и в калошах!

Редькин поехал, и машина вильнула, едва не вписавшись в придорожный камень. А песик продолжал бурчать:

– Как пес к ним с улицы зашел, так сразу и «пошел вон» Кто им внушил, что они лучше? На всем лимане один приличный человек – местный истопник. Он хотя и любитель растворов этилового спирта, но мне всегда рад. Просветленный человек, и мурна моего видит. А если человек мою скотинку любит, он и мне приятен.

Выехав на гору и проехав мимо домиков пригородного селения, машина выехала на грунтовку, тянущуюся вдоль обрыва. Справа искрился в лучах солнца лиман, за ним бликовал окнами высоток поселок Котовского. Пейзаж портили кучи автомобильного хлама, который остается от машины, когда ее очень быстро разбирают ночью на запчасти и металлолом.

«Грифов тут только не хватает», – подумал Петя.

Под руководством песика машина долго петляла по грунтовкам между полями и дачными участками, пока пес наконец не сказал: «Медленнее».

Машина, медленно переваливаясь, тащилась по глиняному проселку. Слева и справа так же неспешно уползали вскопанные огороды с первой зеленью. Слева огороды ограничивал обрыв лимана, справа чахлая посадка. Потом справа потянулся участок, девственно заросший бурьяном во всех его весенних проявлениях. Никакого заборчика, радующего хозяйский глаз, вокруг участка не было. Зато стояли ржавые железные ворота, закрытые на такой же ржавый замок.

– Приехали, – сказал джинн, когда машина поравнялась с воротами. – Отвернитесь и не смотрите.

Все дружно отвернулись от пса, но Петя боковым зрением увидел в зеркале, как пес вытянул переднюю лапу. На ней появилась старческая человеческая кисть руки. Он засунул ее куда-то себе в брюхо и вынул что-то маленькое.

– Дайте правую руку и не смотрите! – строго сказал пес.

Петя и Соломон с опаской протянули ему руки и почувствовали прикосновение холодного металла. Посмотрев на руку, они ничего не увидели.

– Это знак не для ваших глаз, – пробурчал пес.

«Тойота» остановилась, и все вышли, разминая затекшие ноги. Песик подошел к воротам и отметил на одну из петель.

– И что дальше? – поинтересовался Петя, видя такое естественное для собаки, но довольно неуместное для старшего визиря поведение. Он обошел вокруг ворот, приминая буйно разросшуюся лебеду. Ничего интересного тут не было.

– И куда мы пойдём? – опять спросил Петя, выйдя из бурьянов и отряхивая штанины от налипших частиц родной природы.

– Отойдите к машине и смотрите! – сказал джинн серьезным голосом, от которого люди попятнулись, а Соломон даже ушел за машину.

И было на что посмотреть.

Песик встал на задние лапы, а передними уперся в ворота и обнюхал замок. Затем с ним начали происходить перемены. Пес стал расти, выпрямляться. Шерсть на нем стала гуще и приняла вид жутких желтых лохмотьев, которые свисали с человеческой фигуры. Минуты через две перед воротами стоял древний старик в невообразимо ветхом халате. У этого одеяния цвета охры был такой вид, словно оно столетия пролежало в глиняной могиле, впрочем, как и его хозяин. Старик оглянулся, высохшая кожа обтягивала череп, два пучка рыжих волос сосульками свисали с висков на плечи, болталась тощая глинистая борода. Морщин на черепе не было. Как будто кожу на череп натягивали в мокром виде, а потом сушили.

Увидев своего спутника в естественном облике, путешественники опешили. Петя попятился и сел на капот машины.

– Что, хорош? – спросил джинн и ухмыльнулся, сверкнув двумя рядами ослепительно белых зубов. – Я мог бы принять приятный вам вид, но так к природе ближе. А кроме того, у меня в этом костюме ключик спрятан.

Джинн порывлся в тряпье, свисавшем с его тощего тела, и достал ржавый ключ от висящего английского замка. «Тоже мне – Папа Карло», – подумал Петя.

Джинн засунул ключ в рот и некоторое время плямкал безгубым ртом. Затем он вынул изо рта ключ, уже блестящий, без признаков ржавчины, и вставил его в скважину замка.

– Ржавеет ключ в земле, – объяснил он между прочим.

«Все-таки в земле», – подумал Соломон, рассматривая фигуру джинна.

Замок заскрипел, затем щелкнул и открылся. На соседний огород, не обращая внимания на чучело, приземлились три грача. Один из них, самый большой, сразу начал что-то втолковывать коллегам, показывая крылом на калитку в ржавых воротах.

«О! Сейчас начнется!» – подумал Петя.

Самый крупный грач закричал джинну:

– Презренный Асаф, сын мурна и шелудивой суки, немедленно закрой ворота и следуй за нами, именем Султана всех джиннов, да не угаснет его пламя вечно!

– С какой стати вы, недопески, командуете в диком поле?

– Именем закона! Ты обвиняешься в контрабанде, нарушении границ, сношении с людьми, не подпадающими под перечень дозволенных, и вообще, позоришь род джиннов.

– Чиво? Я вообще подданный Сахра (да горит его пламя вечно!), а здесь нахожусь с государственной миссией. А вы проваливайте отсюда, пока не поздно.

– Ага, ты здесь в благодарность за особые заслуги при великом Соломоне! В зиндане расскажешь.

Пока шли переговоры, Петя вдруг почувствовал, что, даже не шелохнувшись, переместился к воротам, и рядом с ним оказался Соломон. И краем глаза увидел, как Редькин осторожно, не привлекая внимания, залазит в машину.

И вдруг все словно взорвалось. Грачи, увеличиваясь на глазах, черным облаком метнулись к Асафу. Асаф стал превращаться в собаку. Два огненных шара с визгом упали перед машиной и взорвались, оставив дымную воронку. Асаф прыгнул и вцепился в крыло главного грача. Взрывная волна вбросила Петю и Соломона в ворота, и створки с лязгом захлопнулись, прищемив крыло второму грачу. Он вырывался, теряя форму и расползаясь черными клочьями.

Куча-мала из Асафа и грачей распалась. Два огромных весьма потрепанных грача, выдернув из ворот третьего, полетели прочь,

не сразу вспомнив, что надо махать крыльями. Вокруг ворот валялись ошметки местами обгоревшей лебеды.

Асаф, прихрамывая, поплелся к машине, в которой сидел ни живой ни мертвый Редькин. Борис Александрович попытался захлопнуть дверь и завести машину, но дверь не закрылась, а мотор не завелся, пока пес не устроился на сидении.

– Ты что, решил, что я домой пешком пойду? Года мои не те по проселкам шастать, – пробурчал Асаф. – Трогай!

Редькин дрожащими руками завел машину и стал объезжать воронку.

– А меня они за что убить хотели? – пролепетал Редькин.

– Да нет, не хотели.

– А это что?

– А это я, чтоб ты не уехал. Говорю же тебе, года мои не те после драки с полицией пешком ходить.

И Асаф, свернувшись калачиком на сидении, захрапел.

Замок Сахра

Получив крепкий толчок в спину, Петя и Соломон влетели в калитку, и она с лязгом захлопнулась за их спинами. Послышалось заполoshное карканье и собачий лай. Они обернулись. В полутьме извивались черные перья, прихлопнутые железной рамой. Стараясь высвободиться, они падали на порог и уползали в щель под калиткой. Когда последнее перо скрылось в щели, калитка стала бледнеть, и не успели путники и шагу ступить, как она совсем исчезла.

– Тьфу, черт! – сказал Петя. – А как же назад?

– А только через перед, – глубокомысленно заметил Соломон, у которого уже кончился запас удивления.

Они стали озираться, и Петя в ужасе присел на корточки. Вокруг простиралась черная вода до горизонта. И сами они стояли на воде, на трепещущей алыми лепестками световой дорожке от какого-то далекого источника света.

Сначала они подумали, что это заходящее солнце, но небо было уж очень темным, и они решили, что это восходит луна. Петя

опустил руку в воду – вода морская, холодная и соленая. Каким чудом они в нее не погрузались, непонятно.

– О Господи! – сказал Петя и тут же набрал полные туфли воды, и погрузился бы глубже, но его выдернул Соломон.

– Думай, что говоришь! Это же джинны. Они при этом имени силу теряют. А тут куда ни глянь берега не видать. Пошли, что ли?

– А куда? – спросил Петя, пытаясь выкрутить намоченные штанины.

– Наверное, по дорожке пойдём, все-таки там свет. Брось! Тепло – сами высохнут.

– В туфли вода течет, противно.

И они пошли. Двигались они очень быстро, хотя вода была вязкая, словно песок. Но при этом казалось, что каждый шаг был длиной в десять метров. То, что они приняли за восходящую луну, разгоралось огромным заревом, от которого дул теплый ветер. Световая дорожка под их ногами сияла золотыми и алыми змейками. По сторонам и в темную воду они старались не смотреть. Там мелькали косые зловещие плавники, в черноте мерцали огромные чешуйчатые бока и светились красные немигающие глаза.

– А ты молодец, не теряешься! – с одобрением сказал Петя.

– Да видел я их штучки, – ответил Соломон. – Если бы Асаф хотел нашей смерти, он бы нас еще у себя слопал. Так что, пока мы до места не дошли, ни фиги с нами не будет, если сами дурака не сваем.

И тут они увидели женщину. Она стояла на дорожке, наклонившись над черной водой. На ней трепетало и развевалось от теплого ветра узорное шелковое сари, переливаясь алым, золотым и оранжевым. На вид она была очень старой. У ног была большая плетеная корзина. Женщина вглядывалась в черную воду. Время от времени она протягивала руку. Рука вытягивалась метров на пять. Старуха мгновенно, словно в кипяток, опускала руку в воду и выдергивала оттуда то рыбу, то медузу, то еще какую-то живность и бросала в корзину. Потом отряхивала пальцы и опять застывала, вглядываясь в глубину моря.

Петя и Соломон слегка притормозили, но женщина их заметила. Она выдернула из воды медузу, которая сверкнула, как стеклянная. За медузой, щелкнув зубами в воздухе, выпрыгнуло какое-то чудище и с шумом и брызгами рухнуло в воду. Старуха

шарахнулась от брызг, но тут же заулыбалась и, ступив один шаг, оказалась рядом Петей и Соломоном. Лицо ее пошло рябью, она вдруг помолодела и стала похожа на Татьяну Николаевну.

– Доброе утро, путники! – сказала женщина молодым низковатым мелодичным голосом. – Не поможете ли слабой женщине донести корзину до города?

– Доброе утро, почтенная! Далеко ли до города? Мы люди пришлые, местных обычаев не знаем, – вдруг ни с того ни с сего заговорил Петя. Причем слова шли сами по себе, раньше, чем Петя успел что-либо сообразить.

– Да вот он! – женщина махнула рукой в сторону зарева, и путники увидели в алых сполохах крепостную стену с причудливыми башнями, шпилями и флюгерами на крышах.

Петя и Соломон взяли корзину – она казалась неподъемной, но легко оторвалась от воды и стала невесомой. Они пошли к городу, который разгорался все ярче и ярче. Как ни странно, с корзиной они стали передвигаться намного быстрее.

Очень скоро жар, исходивший от крепости, начал стихать, и уже стали ясно различимы высокие каменные стены, наклонившиеся над водой. Стены светились и отражались в воде, образуя вместо тени нестерпимое сияние. По этой полосе света ходили туда-сюда стражники. Сначала путникам показалось, что это янычары в тюрбанах и с кривыми саблями, но когда они подошли поближе, то увидели двух здоровенных мужиков в камуфляже и с автоматами Калашникова. И только когда стражники оказались рядом, стала понятна несуразность их облика. Стража была пятиметрового роста, и автоматы были им как раз по размеру. Соломон только морщился, как от кислого, глядя на весь этот антураж. Петя же смотрел на стражу и на город, открыв рот от удивления.

Подойдя к путникам, страж цапнул корзину, сказал: «Ну ты, Зельба, сегодня как никогда!» – и, повернувшись к путникам спиной, зашагал к воротам. Изумленные таким приемом, Соломон и Петя пошли следом. Зельба же забежала вперед, догнала стража и заговорила с ним так быстро, что Петя, который почему-то понимал язык джиннов, ничего не разобрал.

Огромные ворота города, собранные при помощи мощного швеллера из бревен многовековой секвойи, со скрежетом

приподнялись, пропустили наших друзей и стражу и с лязгом опустились за ними. Соломон только головой покачал. Все это ему уже давно не нравилось. Особенно его беспокоило то, что Зельба вообще перестала с ними разговаривать, как только они взяли корзину. Утешительные мысли насчет Асафа перестали убеждать.

– А может, он не стал нас сам есть, а послал гостинчик родственникам? – неожиданно в ответ его мыслям отозвался Петя. Ему тоже было не по себе.

– И куда нам теперь возвращаться? – философски заметил Соломон.

Петя вздохнул.

Их привели в караулку. Караулка была как караулка – место, где природная мужская склонность создавать берлогу с запахом нестираных носков подавлялась железной рукой старшего по званию, тоже не очень знающего, как выглядит порядок. Вот только до потолка здесь было метров пятнадцать. Стражники еще прибавили в росте, вышли в соседнее помещение и там стали отчаянно торговаться с Зельбой, которая тоже заметно подросла.

Петя на цыпочках подошел к двери и услышал разговор:

– Одну треть и печень толстого! – вопила Зельба.

– Четверть и правую ногу! – кричал старший.

Петя выглянул из-за косяка двери и остолбенел. Перед ним со страшной скоростью вертелись три веретенообразные штуки с мерцанием внутри и громко торговались – судя по всему, делили улов. В улов, увы, входили и Петя с Соломоном.

Вдруг входная дверь в караулку распахнулась, и возникшая в ней туманность сконденсировалась в огромного мужика в камуфляже – явно старшего по званию.

– Это что еще за бардак! – зарычал мужик, показывая на Петю и Соломона.

Из подсобки вылетели два веретена и засияли синим светом.

– Почему люди в караульном помещении? Почему при людях в естественном виде? Всех на губу за нарушение предписанной формы! На три года.

– Это не люди, это ужин! – залепетало большее веретено, судорожно превращаясь в стражника. На нем были широкие атласные изумрудного цвета шаровары, грубые армейские ботинки и рас-

шитый золотом жилет поверх камуфляжной гимнастерки. Кривая сабля плавно переходила в приклад автомата.

– Откуда люди? – ревело начальство.

– Зельба принесла, и кальмарчиков, и скорпену...

– Какая Зельба? Кто посмел выходить за линию ворот?

– Она не выходила, она со стены наловила...

– Врешь! – начальник шагнул мимо Пети, и они увидели серый дым, утекающий в форточку. Похоже, Зельба решила, что такой гонорар ей не подходит.

– Я вас в зиндан посажу! Я вас под трибунал отдам! Я о вас самому Сахру, да сияет его пламя вечно, доложу! Вонючий пепел верблюжьего помета! – он повернулся к людям и заорал еще пуще прежнего, раздуваясь все шире и шире: – Кто такие? Откуда здесь взялись? Есть документы?

– Не знаю! – Петя развел руками. И вдруг в полутемной караулке сверкнула печать Соломона на его руке.

Эффект получился поразительный. Только что оравший и все более раздувавшийся джинн вмиг замолчал, съежился и стал меньше Пети ростом. Стражники, соблюдая субординацию, стали еще ниже.

– Откуда и какими судьбами прибыли высокие гости? – осведомился начальник мармеладным голосом. – Кого изволили оскластивить высоким визитом?

И опять губы помимо Петиной воли стали произносить немислимый текст:

– Мы изволили прибыть к его величественному сиянию Сахру (да горит его негасимое пламя вечно!). И ты, собака, проводишь нас к нему немедля. Пшел вон – и быстро!

Начальник вытянулся дымной лентой в окно и пропал. Оставшиеся стражники рысью выкатились в подсобку и вернулись с подносом. На подносе стоял хрустальный кувшин с прохладительным напитком и горкой лежали фрукты. Проголодавшийся Петя хотел взять с подноса виноград, но руки и ноги не слушались, и даже лицо почему-то отвернулось. Соломон в сторону подноса даже не глянул. Стражники стали еще меньше и убрались вон.

Через пять минут в караулку вошел вельможа – огромный, в парчовом халате. За ним рысью прибежал начальник караула. Вельможа презрительно оглядел караулку и с достоинством кивнул Пете.

– Приветствую высоких гостей и желаю им долгих лет процветания! Не изволите ли сообщить о цели прибытия, и откуда столь значимые верительные грамоты?

– Не изволим! – грубо заявил Петя. – Только его величественному сиянию Сахру, да горит его негасимое пламя вечно!

– Но его величественное сияние Сахр (да горит его негасимое пламя вечно!) никого не принимает, ибо занят государственными делами.

– Наше дело – государственнее некуда! – заявил осмелевший Соломон. – А вы препятствуете, о чем будет доложено.

От такого нахальства придворный опешил, а Петя поднял руку с печатью повыше, и вельможа, поклонившись, быстренько удалился. Теперь им пришлось ждать намного дольше. Услужливый начальник караула притащил для них тахту, покрытую алым ковром, и предложил кальян и напитки. На тахту замученные долгой ходьбой Петя и Соломон уселись с удовольствием, а от кальяна и напитков наотрез отказались.

Наконец бюрократические колеса провернулись, и за Петей и Соломоном явились трое вельмож и четыре полуголых стражника в изумрудных шароварах и с обнаженными саблями. Вся верхняя часть их тела и лицо были покрыты багровыми татуировками. С ними пришли две молодые служанки в мерцающих шелках с тазиками и полотенцами. Петя и Соломон сняли туфли, служанки помыли им ноги и выдали расшитые золотом шлепанцы. Вся эта процедура смутила их до крайности, особенно Соломона, у которого на носке протерлась дыра.

Чувствуя себя идиотами, но не подавая вида, они отправились по длинным коридорам к Сахру. Впереди выступали вельможи, за ними плелись Петя и Соломон, сзади паровозом пыхтела стража, замыкали процессию служанки с обувью в тазике.

Они шли по бесконечным коридорам, потолки которых терялись в вышине. Стены коридоров состояли из различных видов пламени и непрерывно двигались и сияли. Это было то буйное пламя лесного пожара, то тихое полыхание огня в печи, то далекий огонь в степи. Но никакого жара приятели не ощущали. Дивный неземной свет заливал коридоры. Время от времени Петя останавливался, разглядывая кусок стены, и тогда становилось

понятно, что она покрыта непрерывно изменяющимся узором, хоть и похожим на языки пламени, но более сложным.

Иногда это была битва, иногда куртуазная сцена или пейзаж, но всегда исполненная движения и метаморфоз.

Сознание Пети разделилось на три части. Одна часть разглядывала стены, и в его мозгу всплывали непонятные имена и даты. Он тонко оценивал мастерство художника и припоминал исторические параллели.

Вторая часть – собственно сам Петя – ошарашенная и задавленная, металась между паническим страхом и слабой надеждой, что этот наглый искусствовед, сидящий в нем, знает что делает.

Третья часть с интересом наблюдала за происходящим, готовая в любой момент вмешаться. Впрочем, Петю это не очень успокаивало. Соломон же мрачно топал по бесконечному ковру, твердо решив, что если уж его смерть – дело ближайшей пары часов, то он проживет их с достоинством.

Наконец коридоры приобрели совершенно немислимые размеры, так, что стены и потолок стали почти неразличимы вдали, и процессия вошла в огромный покой из мерцающего пламени размером с крупный стадион. В центре зала на колоссальной тахте возлежал огромный джинн в роскошном халате и зеленой чалме с бриллиантовым аграфом. Звучала тихая восточная музыка. Взглянув на путешественников, он щелкнул пальцами, и всё, включая его самого, сильно уменьшилось. И хотя он и помещение остались очень большими, Петя и Соломон смогли увидеть его лицо и говорить с ним, не срывая горла.

– Приветствую вас, путники, – загрохотал джинн. – Присядьте и угоститесь в моем скромном доме.

– Приветствуем тебя, о величайший и сиятельный Сахр, прославленный в веках! Да сияет и горит, не угасая вечно, твое чистое пламя! – вдруг выдал Петя. При этом он произвел какие-то весьма замысловатые движения руками и ногами и склонился в поклоне – впрочем, не слишком низким.

Соломон даже пробовать не стал повторить Петины фортеля, а просто поклонился.

Перед ними возникла тахта и узорчатый круглый столик, уставленный блюдами с роскошными фруктами, серебряными

кувшинчиками и чашами для напитков. Приятели сели и по примеру хозяина взяли с подноса неизвестный бархатно-розовый фрукт. Он оказался маслянистый, сладкий и сытный, как пирожное. Утолив первый голод, они слегка успокоились. Соломон тайком разглядывал Сахра.

Сейчас Сахр сидел в человеческом облике, хотя и четырехметров роста. На вид ему было лет сорок, но Соломон чувствовал в нем глубокую древность. Было в нем что-то, напоминающее древние храмы. Блестит золото алтаря, на утвари ни царапинки, но другой размер, пропорции, узор выдают груз столетий. И повадка, выражение лица у него были не вельможи-царедворца. Сахр выглядел как немолодой офицер действующей армии.

Заговорил Петя:

– О сиятельный Сахр, да горит ваше немеркнувшее пламя вечно! Какую дивную коллекцию живописи мы имели счастье увидеть на ваших стенах! Столь полного собрания классики я не видел даже во дворце. Да и новое время представлено весьма впечатляюще.

– Я покупал эти картины у авторов, многое сделано по моему заказу. Я не знаток живописи и покупаю картины согласно движениям моей души, – скромно ответил Сахр. – Мое последнее приобретение за вашей спиной.

Петя и Соломон оглянулись. Вся дальняя стена была черной. Ни одного блика не было на ней, но тем не менее они понимали, что это вода, безбрежная черная вода. И только вдали на крошечном островке горел маленький костер путника.

– Замечательно! – воскликнул Петя. – На холодной чужбине на ужин сберег язычок сладкого пламени от далекого материнского огня. Подумать только – авангард, а какая глубокая мысль! Только тот, кто был в изгнании, оценит истинный вкус домашнего очага.

– Да, сиятельный Меджид, – пророкотал Сахр, – никто не может избежать своей судьбы.

Он щелкнул пальцами, и музыка стихла. Ее заменили звуки огня в печи. Картины на стенах тоже замедлили свое движение.

– Ну что ж, какой поворот судьбы привел сиятельного брата моего пра-пра-пра-правнука в мою скромную обитель? Да еще и со столь странной верительной грамотой, и в удивительной упаковке?

– Великий Асаф, да не угаснет его пламя, посылает вам привет и сообщение, что «Истинная власть» находится у него на хранении, и он готов ее вернуть.

– О, глупый старина Асаф, да не угаснет его пламя! Он прислал гонцов! Он решил, что я не прощу ему того, что он взял меня под стражу. Будто я не знаю, что противостоять кольцу Соломона у него не было ни сил, ни возможности. Ну что ж, если он помнит обо мне – уже неплохо. Значит, не выжил из ума. А как он сам поживает, в его преклонных годах?

Тут Петя почувствовал, что у него перехватило горло, и он почему-то краснеет. Слова застряли и не шли с языка. Выручил Соломон:

– Почтенный Асаф живет в приличной его возрасту мерзости запустения с большим комфортом. Но понимая возложенную на него ответственность, вынужден маскироваться. И делает это с таким искусством, что ни джинны, ни люди его не узнают.

Соломон вдруг почувствовал в своей голове легкое дуновение, и Сахр тонко улыбнулся.

– А также я могу сообщить, что нахожусь в изгнании, – продолжал Петя. – При дворе моего брата возникли две партии. Одна считает, что до конца света близко, и следует спровоцировать людей на ужасную войну, дабы страшный суд произошел пораньше, и джиннам вернули достойную их жизнь. А иначе Величайший не увидит их трудов по совращению людей.

Другие считают, что люди и так идут напрямиком к гибели, и не надо им мешать. К сожалению, моя родня принадлежит к первым. Я же считаю, что испортить Тому, чье имя неназываемо, Его любимое творение – не лучший способ с Ним примириться. Кроме того, мне интересны люди, я ведь историк и биолог. И когда при дворе назрел переворот, и меня решили посадить на трон, я скрылся. Тот, чье имя неназываемо, ибо не все праведны даже в этой обители добродетели, дал мне это убежище под охраной его ангела-хранителя и не потребовал от меня ничего взамен. Ибо не время бросать камни. А судьба привела меня к Асафу, да не угаснет его пламя, а потом сюда.

– Очень интересно! Неужели глупость при дворе достигла столь вопиющих размеров? Впрочем, от нее нет спасения и в моем дворце. Я приношу свои извинения за поведение моей стражи.

– Ах, не беспокойтесь! Некоторая беспечность стражи говорит о долгих годах мира и процветания. Кроме того, если бы великая мудрость была уделом всех, кто бы выполнял грязную и скучную работу...

– Вот, пусть теперь и процветают на охране вулкана, заодно набираясь хоть какой-нибудь мудрости. Кстати, вы совершенно правы, насколько я знаком с Тем, чье имя не называем всуе, Он долготерпелив, вернее, Он считает время бóльшим количеством дней, чем мы. И Он не склонен возвращаться к отброшенным вариантам. Даже если Он действительно разочаруется в людях, Он скорее создаст что-то новое, чем вернет джиннов. Поэтому приближать страшный суд в высшей степени глупо. А какими судьбами вас занесло к Асафу.

– О том лучше меня расскажет друг Соломон.

– Соломон? Значащее имя! Ну что ж, рассказывайте, почтеннейший Соломон.

От волнения Соломон закашлялся, но, отхлебнув из золотой чаши напитка, похожего на смесь фруктовых соков, заговорил.

– О Великий Сахр (да сияет ваше немеркнувшее пламя вечно!), дело это началось с пустяка. Джинн Зир был изгнан из очередного одержимого и, не имея других занятий, организовал фирму по исполнению желаний людей. Неумеренно потакая их капризам и возбуждая в них желание жить иллюзиями, он сбивал их с пути добродетели. Дело пошло, и он был замечен при дворе. Но неожиданно произошел поворот событий. Несостоявшийся мятеж и неумеренная похвальба самого Зира привели к тому, что в наш город привезли ловушку для джиннов, и спустя две недели ее запустят. А так как в нашей фирме работают, в основном, нелегально проживающие джинны, то не сносить нам головы. Да и жизнь сиятельного Меджида тоже в опасности. Ловушка эта огромной силы, и превозмочь ее может только кольцо Соломона. Почтенный Никифор направил нас к Асафу, а Асаф к вам.

– Как – ловушку? – глаза Сахра полыхнули гневом, и сам он резко увеличился. – В дикое поле, свободные земли – ловушку, отлавливать вольных джиннов? Какая низость! Я, не желая бессмысленного истребления и без того немногочисленных подданных, не отбираю эту землю, а они имеют наглость хозяйничать на нейтральной территории!

Стены дворца росли, удалялись и пылали нестерпимо. Оглушительно трещал и выл огонь. Соломон уткнулся Пете в колени. Петя и Меджид съежились, а над ними светлым облаком стал проявляться ангел-хранитель.

Но гнев Сахра так же внезапно и прекратился. Утихло пламя на стенах. Прекратился рев и треск пожара. Сахр снова вежливо уменьшился, сел на тахту и, как ни в чем не бывало, взяв гроздь винограда, стал ощипывать по ягоде и отправлять в рот. После чего хлопнул в ладоши. Немедленно из воздуха возник вельможа и низко поклонился.

– Малый церемонный выход. Со свитой. Едем инспектировать целостность границ. Ну там, слоны, паланкин. Хотя нет. В чем выезжает властитель вашего города?

– В трех черных джипах, – буркнул Соломон.

– Три черных джипа и машину, ну и там, остальное по протоколу. Я им покажу старика Хоттабыча!

Вельможа растворился в воздухе. Вместо него возникла девица столь слабо одетая, что Пете и Соломону стало неловко. Заиграла музыка, и дева начала какой-то томный восточный танец.

– Ну что ж, вы оказали мне услугу, а я не забываю добро – я не человек. Зла я, впрочем, тоже не забываю. У меня вообще хорошая память. Ха! Так чего вы хотите для себя за хлопоты? Я могу многое, но я не тот, чье имя непроизносимо.

И вдруг и Петя, и Соломон, и Меджид внутри Пети сказали хором:

– Я хочу выйти из игры.

– Хорошее желание! – помолчав, сказал Сахр. – Сам бы порой не отказался. Но, к сожалению, я не тот, чье имя здесь непроизносимо. Я могу забрать вас во дворец, пока я жив – вас никто не тронет. Но этот вариант хорош только для Меджида, в конце концов он моя родня. Вам же что делать среди джиннов? Я могу приставить к вам охрану в вашем городе, хотя это вызовет определенное напряжение, на которое мне, впрочем, наплевать. Но вас могут убрать, просто чтоб насолить мне. На всякую охрану есть специалист. К сожалению, хорошая память не только у меня, а честлюбивый выскочка в опале – очень опасное

существо. Но выход есть. Если вы окажете большую услугу всем джиннам, то они уж проследят, чтоб вам не причиняли вреда. А ваш враг сразу окажется вне закона, если хотя б замыслит против вас недоброе.

– Ага! – неожиданно для самого себя влез в разговор Петя. – Мелкая такая услуга, например истребить все человечество.

– Ну зачем так круто? Во-первых, вам это не под силу, во-вторых, без надобности. Дело вовсе не в этом. Вы знаете, что ваш благословенный город находится на краю великой империи Джиннистан. И попросту является тем самым местом, куда Макар телят не гнал, а ссылали преступников и топили кувшины с джиннами. Место это еще и тем уникально, что находится в разломе земной коры. Их только два таких: Мертвое море и ваш Куяльницкий лиман. Тут и раньше климат для джиннов был не ахти, а с некоторых пор началась и вовсе напасть. Появилась в городе какая-то реликвия. И все джинны в радиусе пяти километров от нее становятся как пьяные, а ближе – и вовсе теряют сознание. А что это такое, никто из нас не знает.

– И если мы ту реликвию найдем и уничтожим, то окажем такую неоценимую услугу джиннам, что нас будет проклинать все человечество еще две тысячи лет, – скептически вставил Соломон.

Как ни странно, высочайший гнев на них не обрушился, хотя на лице Сахра отразилось легкое неудовольствие. Петя и Соломон приободрились: видимо, великий Сахр в этом деле был крепко заинтересован, и немедленная гибель им пока не угрожала.

– К великому моему сожалению, уважаемые гости, – заговорил Сахр, – ничего подобного я вам даже предлагать не могу, ибо сказано в писании: «А кто искусит малых сих, тому лучше и не родиться». И в отличие от вас, для которых вера в неназываемого – вопрос, есть Он или нет. Для меня моя вера состоит в том, захочет Он меня уничтожить немедленно или нет. И так как джиннам дано видеть Его нестерпимое сияние воочию, смею вас заверить – уничтожить меня Ему легче, чем вздохнуть. Посему я прошу вас только узнать, что это, и поступить по собственному разумению, потому что дорога эта не менее опасна, чем ваша ситуация сейчас.

– И вполне добровольно, примерно как мы сюда пришли, – съязвил Петя. – А что ищем-то, хоть приблизительно?

– Возможно, ищем одну из магических вещей царя Сулеймана ибн Дауда. Что именно – не знаю, потому что, – на лице Сахра проступило легкое смущение, – великий Соломон имел пренебрежительнейшую привычку: в тайных делах он удалял от себя всех джиннов за пределы их возможности видеть и слышать. Оттого и посылаю вас на поиск.

– Знаете, что, – вдруг рассердился Петя, хотя какой-то голос внутри пытался его остановить. – Я от вас ничего хорошего не видел, а погубить меня уже не раз пытались. Царь Соломон был не дурак, коль держал вас в черном теле. И если та реликвия вам жить не дает, то и слава богу!

На секунду под ними дрогнул пол, и мигнуло пламя стен.

– Меджида я вам сюда доставил, так что имейте совесть и отпустите меня домой. Я никому ничего не скажу, а с Зиром вашим я не знаком. И вообще, что вы ко мне прицепились? Этак за каждую услугу я буду в награду получать возможность опять рисковать, пока меня до смерти не укатаете. Странная у вас манера благодарить!

– А вот дерзить не надо! – укоризненно сказал Сахр. – Человеческая жизнь и так коротка, и незачем ее укорачивать. Я не нарушу законов гостеприимства, и вы уйдете отсюда невредимыми. А дальше у вас своя судьба – думайте и решайте.

Сахр хлопнул в ладоши. Петя и Соломон вдруг оказались стоящими на черной воде перед калиткой. В щель под калиткой уползло последнее перо. Соломон толкнул тяжелую раму, и они вышли на пустынный участок. Нещадно палило солнце. В жидкой тени лебеды, высунув язык, лежал пес Асаф.

– Ну и дурак ты, Петя! – сказал он, не шевельнув челюстями. – Самый глупый из покойников.

Петя поднял ком земли и запустил в Асафа. С досадой убедившись, что не попал, он быстро зашагал прочь, оставив Соломона на дороге.

– Подожди, сейчас за нами Редькин подъедет! – позвал Соломон.

Но Петя вдруг почувствовал, что он один, и ему это понравилось. Он отмахнулся от Соломона и пошел еще быстрее.

Менелик

С утра царь Соломон проснулся ни свет ни заря и понял, что не уснет. Не лежалось ему, гулко бухало сердце, постель в одночасье стала жаркой и неудобной. Соломон встал, и слуги одели его с непривычной поспешностью – царь был не в духе. Завтрак не лез в горло. Соломон вышел в сад, потом вернулся в кабинет. Попытался заняться бумагами, но понял, что не может сосредоточиться, и оставил документы в покое. Ему все слышался голос флейты и стук барабанов.

Наконец его терпение лопнуло, он отпустил придворных, прогнал челядь и ушел на крышу. Там Соломон немного успокоился и решил оглядеть свои владения. Но мысль о том, что придется ждать, пока оседлают коня, а потом слышать над ухом пыхтение пожилого начальника стражи, показалась ему несносной. И он достал ковер-самолет. Ему подумалось, что в его годы летать на ковре опасно, но он отбросил эту мысль как несуразную и полетел.

Далеко внизу струился Иордан, зеленели холмы, и деревья в цвету светились, словно белые и розовые облака. Холодный ветер остудил лоб и трепал бороду. Царь лежал на ковре и смотрел на проплывающие под ним поля и дороги. И вдруг ветер принес музыку. Где-то далеко пела флейта, и ей вторили барабаны. Соломон повернул ковер и стал снижаться.

По желтой дороге между двух холмов словно из-за кулис выходил караван. Впереди ехали черные стражники на белых конях с копьями, на концах которых развевались алые и синие вымпелы. За ними, мерно покачивая хоботами, шли слоны с беседками черного дерева на спинах. За слонами надменно выступали верблюды, груженные тюками и ящиками. Погонщики и воины в ярких шелковых одеждах толпились у ног животных. Черные лучники в зеленых шароварах на гнедых лошадках сновали вдоль каравана, высматривая врага. А рядом с караваном по молодой траве под звуки флейты шел кто-то в белых одеждах, и солнце вспыхивало на золотых браслетах и бусах.

У Соломона екнуло сердце, и он погнал ковер вниз, приземлился за кустом на холме и выглянул на дорогу.

Но он ошибся. По весенней траве и полевым цветам в полном великолепии молодости, радости и красоты шел царевич Сабы Менелик, и флейта пела у него в руках. Земля Иудеи встречала его цветами и птичьим пением, божье благословение сияло над ним. Женщины улыбались ему из-за занавесей беседок. И Соломон вдруг заплакал, сам не зная почему, при виде сына, которого увидел впервые.

Юноша опустил флейту и обратился к птичке.

– Птица пашош, пусть олива надежно хранит твоих птенцов, – свистел царевич.

У Соломона сжалось сердце от радости и горя. Никто из детей царя в его дворце, а их у него было много, не захотел разговаривать с птицами и животными. «Убьют, отравят, искалечат душу. Не позволю!» – подумал он.

– Здравствуй, царь Соломон, юный и прекрасный, великий маг. Ты повернул время вспять, и снова молодой. Благословен будь на века, ибо запретил разорять гнезда.

– Я не царь Соломон, маленькая птичка. Не видала ли ты моего отца?

Царь Соломон не стал дожидаться, пока кто-нибудь из птиц выдаст его укрытие. Лежа на ковре и задевая ногами траву и цветы, он понесся над самой землей прочь, укрываясь за кустами и низенькими оливами.

Петя

Оказавшись на берегу лимана рядом с полуразвалившимся зданием старой грязелечебницы, Петя огляделся и побрел по тропинке между зарослями красноватой травы в сторону новых корпусов санатория. Тропинка была мокрой, а в сухих местах на ней выступала соль. Попадались просоленные и обветренные пеньки от причала, построенного лет сто назад.

На площадке перед кафе стояла раздолбанная «Волга» – единственное средство доставки местных жителей к общественному транспорту.

Водителя удалось найти в кафе, где он беседовал с друзьями за чашечкой кофе.

– А вы уверены, что вам до трассы нужно? – спросил он, нехотя слезая с табурета.

Этот вопрос Петя отнес на нежелание покидать компанию из-за трех гривен.

В дороге водитель денег не брал, говоря: «Потом, потом», – а когда Петя вылез и попытался расплатиться, быстро захлопнул дверцу и уехал.

«Наверное, у них сегодня день бесплатного обслуживания, – подумал Петя. – А может, я ему чем-то понравился, или наоборот».

Был час пик, и о маршрутках можно было забыть. Петя влез в переполненный трамвай, приготовил полтинник и стал смотреть в окно. Откуда-то из-под локтя вынырнула маленькая толстенькая кондукторша. Отвергнув Петин полтинник и сообщив будничным голосом, что покойникам проезд бесплатный, она опять нырнула кому-то под локоть и исчезла.

«От, блин», – подумал Петя и стал пробираться за ней через плотно упакованный трамвай, чтобы узнать, что она имела в виду. Неужели он так выглядит, что с него уже можно деньги не брать?

Петя, извиняясь и толкаясь, прошел через весь вагон в одну сторону, затем в другую, и каждый раз оказывалось, что кондукторша находится в другой части вагона.

«Наверное, пересаживается из одной двери в другую на остановках», – подумал Петя и успокоился, но осадок остался.

Усевшись в Городском саду на лавочку, Петя разглядывал неработающий фонтан, окруженный клумбой с цветами. Нужно было спокойно посидеть и обдумать ситуацию.

Вокруг фонтана бегали и кричали дети, размахивая пластмассовым оружием.

«А мы пистолеты сами из доски выстругивали», – подумал почему-то Петя.

Один мальчик лет пяти вдруг остановился и уставился на Петю. Потом подошел к нему, прицелился из автомата и нажал на курок. Автомат издал тарахтящий звук, на конце ствола замигала красная лампочка.

– Это контрольный выстрел, – сообщил ребенок с несвойственной возрасту взрослой интонацией. – Вы уже покойник, а поймете это вечером.

Затем мальчик вполне по-детски захихикал и побежал к фонтану.

Пересев на маршрутку, Петя ехал домой, глядя в окно и пытаясь ни о чем не думать. Но как назло, взгляд останавливался на вывесках похоронных бюро и подобных снаряжающих в последний путь организаций. Петя никогда не думал, что их в городе так много.

Напротив Петиного дома возле клумбы на лавочке сидел сосед Георгий. Жора отпил пиво из бутылки и помахал Пете рукой.

– Давно тебя не видел, – сказал он, – уже подумал – не умер ли ты?

– А чего это ты так подумал? – насторожился Петя.

– А черт его знает – чего-то в голову пришло, – Жора пожал плечами и опять приложился к бутылке. – Долго жить будешь, наверное, – выкрутился он.

– А ты все тело строишь? – поинтересовался Петя, указывая на надпись «Бодибилдинг», красующуюся через все брюхо Жоры, обтянутое зеленой футболкой.

– Я в тело инвестирую. Все может в цене упасть, кроме моего тела, а оно для меня со временем дороже и дороже, – пояснил Жора и допил пиво.

Они посидели еще с полчаса, поговорив ни о чем, и Жора пошел домой. Петя остался сидеть на скамейке возле клумбочки, из которой во все стороны торчали цветы тигровых лилий.

Вдруг Петя почувствовал прикосновение к плечу. Он повернулся и увидел большой желтый в коричневую точечку цветок лилии. Цветок качнулся и опять дотронулся до Петиного плеча.

– А тебе что надо? – спросил Петя.

– Я что – я ничего, – ответил ему цветок, оттопырив нижний лепесток и шевеля остальными в такт словам.

Говорящий цветок Петю после всего увиденного не особенно удивил, скорее разозлил. А лилия продолжала:

– Я тут расту – ничего мне не надо. Ты бы лучше о себе подумал. Вот, например, самоубийство – замечательный выход из положения. Обмотал веревкой шею – и сигай с балкона. Дешево и сердито. И заметь: никакого вреда для близких и родственников. Ты об этом подумай на досуге! Хотя досуга у тебя осталось не так много, а на том свете тебя мигом трудоустраят.

– Вот я тебя сейчас сорву, в рюмку поставлю, и будешь мне с того света советовать со знанием дела, – со злостью перебил ее Петя.

Лилия зашипела, извиваясь тычинками и хлопая лепестками.

– Покойники мне еще не угрожали! – с пренебрежением произнесла она и отвернулась.

Вот этого Петя уже не стерпел. Он сорвал цветок и бросил его в середину клумбы, откуда донесся надсадный кашель.

Не оборачиваясь, Петя встал и пошел домой. Домой ему идти не хотелось, но он подумал, что джинны найдут его с одинаковым успехом где угодно, а дом казался местом наиболее безопасным. Хотелось пойти к Галине, но Галина уехала к матери в Овидиополь, и будет только завтра. А если бы она была дома, то Петя все равно бы к ней не пошел, чтобы не подставлять.

Дома Петя обошел всю квартиру. Окна джиннов все равно не удержат. Он нашел в шкафу баллончик с краской и нарисовал на всех стеклах православные восьмиконечные кресты. Немного подумав, в какую сторону должна быть наклонена нижняя перекладина креста, решил, что все равно, – зависит от точки зрения. Такой же крест нарисовал на входной двери – кто их, поганых, знает, может, они и через железо ходят.

Немного успокоившись, Петя достал бутылку коньяка, кусок сыра и маслины из холодильника и устроился в кресле у телевизора.

Включил. По экрану забегал какой-то урод в резиновой маске смерти, размахивая столовым ножом. Кто-то от него убегал, вместе того чтобы обломать об и так большую голову табуретку.

Петя плюнул и переключил канал. В подсвеченном разноцветными огнями зале группа депутатов упражнялась во взаимном охаивании. Это было всегда приятно послушать. Народные избранные говорили друг другу то, что каждый с удовольствием сказал бы им сам, но не имел возможности. И в этом они, безусловно, являлись гласом народа.

И тут Пете пришла мысль, что в жизни персонажи этой комедии совсем не толпа обнаглевших подонков, а довольно нормальные люди. Не без слабостей, конечно. А говорят в микрофоны они под диктовку джиннов, у которых основная задача унижить как

самих марионеточных выступающих, так и зрителей этого шоу, и всех людей, которыми они управляют. При этой мысли Петя плюнул вторично, выпил грамм сто коньяка и закусил сыром. Затем выключил телевизор и огляделся. Ему показалось, что шторы на окнах не преграда, и какие-нибудь грачи, нетопыри или другая летучая сволочь расселась на окрестных деревьях и следит за ним.

Петя выключил свет и опять сел в кресло. Через шторы пробивался свет фонаря, металась туда и сюда тень веток.

«Чего ждать? Надо что-то делать». Петя опять зажег свет и решил найти какое-нибудь оружие. Набор кухонных ножей он отверг сразу. Он представил себя в роли идиота в резиновой маске, размахивающего ножом для салата, и ему стало противно. Порыскав в шкафах на кухне, он нашел старую чугунную мясорубку. Взял за хвостовик с винтом для крепления к столу, помахал в воздухе. Возникло ощущение основательности.

Опять выключил свет, сел в кресло, поставил возле себя на пол мясорубку. На ощупь нашел бутылку коньяка и сделал несколько глотков из горлышка. Долго вылавливал пальцами скользкие маслины из банки. Косточки выплевывал вперед, куда-то в темноту.

Было темно и тихо.

Время шло, гнусно тикали часы. Иногда Петя проваливался в дремоту. Вдруг, приходя в себя, судорожно нащупывал рядом стоящую мясорубку.

На улице голос подала какая-то птичка, предчувствуя рассвет.

«Вот – самое время», – подумал Петя и положил мясорубку на колени.

Вдруг он услышал, что в замке его двери поворачивается ключ. Петя медленно встал и на цыпочках притаился за поворотом коридора, сжимая в руке мясорубку.

Дверь отворилась, кто-то медленно вошел в квартиру. Сделал три неуверенных шага и показался из-за угла. Небольшая мешковатая фигура в капюшоне с чем-то длинным, похожим на бейсбольную битку в руках.

Петя размахнулся и со всей силы двинул чугунной мясорубкой по капюшону.

Что-то хрустнуло, фигура кулем повалилась на пол.

– И кто из нас покойник? – с тихим злорадством сказал Петя и зажег свет.

В луже крови, повернувшись на три четверти, на полу лежала Галина. Ее череп был расколот. Из раны торчали осколки кости. На лице застыло недоумение. По ее новому нейлоновому плащу скатывались капли дождя. Длинный французский батон откатился к ногам Пети.

Продолжение следует

